

*Temporality as a grammatical category
from the point of view of the expression
plan and content plan in the Modern
Russian language*

.

Asst. Inst. KHAMMEES ABDUL SATTAR AWAD

*Republic of Iraq / Ministry of Education / General
Directorate of Education in Salah Al-DDin / Education of
Samaraaa / Department of preparation and Training/
Researches and educational studies*

АССИСТЕНТ ПРЕПОДАВАТЕЛ

Хамис Абдулсаттар Авад

Республики Ирак

Министерство образования

Генеральный Директорат образования в Салух-эд-дин

- кафедра образования Саммра

Департамента подготовки и обучение исследований

и образования исследования

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ КАК ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

С ПОЗИЦИИ ПЛАНА ВЫРАЖЕНИЯ И ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ

В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Краткое содержание

В статье представлено обоснование темпоральности как грамматической категории с позиции плана выражения и плана содержания в современном русском языке; определены категории интервала, времени, таксиса как составляющих надкатегории темпоральности; обосновано, что семантическим основанием, что объединяет все темпоральные значения, является действенность, выраженная как продолжение – количественно-качественный признак действия; сформулировано рабочее определение категории темпоральности, которая понимается как общеграмматическая межуровневая категория, которая основывается на семантике действенности, выраженной глаголом, и отражает внутренний, внешний и сопоставительный аспекты продолжения действия, грамматически интерпретируя онтологическое время.

Ключевые слова: категория темпоральности, интервал, время, таксис, действенность, продолжение.

Abstract

The article represents a substantiation of temporality as a grammatical category from the point of view of the expression plan and content plan in the Modern Russian language; the categories of interval, time, taxis as components of the temporal category have been defined; it has been justified that the semantic basis, which unites all temporal meanings, is the effectiveness, expressed as a continuation – the quantitative and qualitative sign of the action; a working definition of the category of temporality has been formulated and it is understood as a general grammatical interlevel category that is based on the semantics of validity expressed by the verb and reflects the internal, external and comparative aspects of the continuation of action, grammatically interpreting ontological time.

Key words: category of temporality, interval, time, taxis, effectiveness, continuation.

التزامن بوصفه خاصية قواعدية من ناحية مجال التعبير ومجال المحتوى في اللغة الروسية المعاصرة

م.م. خميس عبد الستار عواد

جمهورية العراق / وزارة التربية / المديرية العامة لتربية صلاح الدين / قسم تربية

سامراء / قسم الاعداد والتدريب / البحوث والدراسات التربوية

ملخص البحث

يقدم البحث مبررات التزامن بوصفه خاصية قواعدية من ناحية مجال التعبير ومجال المحتوى في اللغة الروسية المعاصرة. تحدد خاصية الفاصلة الزمنية، والوقت كأمثلة على مكونات فئة التزامن مبررا بان الدلالة الاساسية بانها تجمع كل معنى التزامن وكذلك يظهر

فعالية التعبير كجملة ذات علامات نوعية وعددية وضعت لتحديد العمل وخاصية التزامن التي تفهم كخاصية نحويه عامة والتي تسهم في بناء دلالية تعبر عن الفعل وتعكس مقارنة من ناحية الجوانب الداخلية والخارجية واخذ الجملة النحوية في تعبير وجودي للزمن والوقت.

الكلمات المفتاحية: خاصية التزامن، الفاصلة، الوقت، الفعالية، الجملة.

Постановка вопроса в общем виде. На современном

этапе развития филологической науки концепт *времени* трактуют в терминах как грамматического, так и художественного времени, не забывая и о категории темпоральности. Учитывая то, каждый язык характеризуется темпоральной многовекторностью, поэтому она возникает в сознании человека и его речевой деятельности как совокупность трех абсолютных времен: *прошлого, настоящего и будущего*.

Кроме этого, время в языке и время в объективной действительности имеют взаимосвязь по признаку абсолютности и / или относительности. Первый признак указывает на отношение действия, состояния в конкретных временных координатах, которые не ограничиваются в выражении лишь парадигмой глагольного времени. Как правило, для этого используются специальные средства для реализации категории времени в языке, к которым принадлежат формы глагола, обобщающие его функционирование, однако не всегда адекватно и полностью передают объективное время протекания действия.

Категория темпоральности базируется на лингвистических единицах, которые образуют функционально-семантическую внешне- и внутренне темпоральную систему. Ее компонентами являются: 1) морфологическая категория времени глагола, 2) синтаксическая категория времени предложения, 3) категория таксиса и 4) категория аспектуальность. Если категорию времени традиционно определяют как такую, что служит внешней локализации ситуаций на временной шкале, категория вида характеризует внутреннюю сторону событий, ситуаций, определяя способ их течения, то категория темпоральности отличается тем, что ее моделируют единицы разных уровней, которые связаны между собой на основе общей идеи времени (см. труды Е. Семиколеновой).

Анализ последних исследований и публикаций. На

сегодняшний день необходимо назвать труды ученых, которые занимались изучением категории темпоральности в различных аспектах: например, проблема, связанная с временными лексемами, находит свое отражение в трудах Л. Ахмеровой, М. Мурьянова, Ю. Степанова, А. Стопочевой-Мойер, Н. Толстого, С. Толстой, Б. Успенского Е. Яковлевой и др. Ученые отмечают, что временные лексические единицы выступают как самостоятельные единицы, которые существуют независимо от грамматических средств выражения времени. Кроме этого, основное внимание ученых (см. труды А. Бондарко, Т. Булыгина, В. Жеребков, В. Климонов, Е. Падучева, А. Шмелев и др.) сосредоточено на проблеме лингвистического освещения времени, т.е. речь идет о темпоральности и / или аспектуальности глагола, где категорию времени представляют в грамматическом (глагольном) аспекте. Более того, в лингвистике существуют исследования сложных предложений, где прослеживается временная семантика (Н. Андрамоновой, В. Белошапковой, А. Музафаровой, Н. Поспелова, Т. Смирнова и др.)

Цель статьи – предоставить ключные характеристики категории темпоральности с позиции плана выражения и плана содержания в современном русском языке. Объект исследования – *глагольные временные формы*, а также *ж беспредложные и предложно-существительные формы* как выразители морфолого-синтаксических и семантико-синтаксических граммем.

Изложение основного материала. В современной лингвистике термин *темпоральность* употребляют в разных контекстах и с разным наполнением. Лексический аспект изучения темпоральности связан с системными исследованиями структуры функционально-семантических полей. *Лексическая темпоральность* – это маркированность семантики

единиц временным компонентом, который может указывать на степень времени (*возраст, год, час, секунда*), время события (*вчера, в прошлом году, завтра, сегодня*) или обобщенно (*тогда, после, до, вовремя*). Однако лексико- семантический

временной компонент только опосредованно ориентирован на отражение онтологического времени, поскольку он употреблен в предложении и направлен на выражение темпоральных признаков действия. Таким образом, темпоральные лексемы как языковые единицы проявляют функционально-семантическую ориентированность на выражение грамматической темпоральности и предстают как припредикатные, приглагольные и т.д.

Прежде всего, необходимо обратиться к проявлениям онтологического времени, которые отразились в грамматике. Наиболее очевидным и тождественным онтологическим временем является его одноименное грамматическое проявление – *морфологическое время*. Термин *морфологическое время*, с одной стороны, дает возможность избежать двусмысленности и смешения, а с другой – указывает на уровень формальной репрезентации.

Кроме этого, термин *темпоральность* употребляют как синоним терминов *время, временности*. Такое понимание *темпоральности*, а также употребление терминов *темпоральность, темпоральный* было введенное А. Бондарко, который писал о том, что «категория времени глагола в русском языке является системой грамматических форм, которые используют для выражения отношений действия к моменту речи или до времени иного действия». Ученый также добавляет следующее: «объективное время отображается в языке не только в системе временных форм глагола, но и за пределами этой системы». Поэтому «функционально-семантическая категория, которая опирается на разные –

морфологические, синтаксические, лексические – средства языкового выражения времени, может быть названа **темпоральностью**» [8, с. 76].

Как утверждает В. Храковский, если время глагола является выражением темпорального значения через отношение к моменту речи, то темпоральное значение как отношение к другому действию не является морфологическим время и тем более не является значением частиречевого уровня глагола, поскольку оно выражено вне граммы. То, что темпоральные отношения на

синтаксическом уровне выражены с помощью глагольных грамм, это не означает, что они основаны на морфологической категории времени. Объективным является и то, что второй тип темпорального значения можно установить через отношение к другому действию, но не из-за отношения к его времени [21, с. 111]. В то же время возникает терминологическая двусмысленность: если в первой позиции речь идет о морфологическом времени, то во второй – время онтологическое, объективное, а опоры в его выражении на различные языковые уровни означает, что темпоральность как общеграмматическая категория не может основываться только на морфологическом времени.

Определенное А. Бондарком понятие *темпоральности* демонстрирует о его дальнейшей категоризации, т.е. «средства выражения темпоральности относятся к разным уровням языка и не образуют однородную систему» [8, с. 77.]. Вместе с тем концепция *темпоральности* А. Бондарка не может быть использована в абсолютизированном варианте: «глагольное время – это грамматический центр, морфологическое ядро темпоральности» [там же]. Обращаем внимание на то, что такая концепция реализована и в функциональной грамматике русского языка, так как ядром функционально-семантического поля (далее – ФСП) темпоральности в русском языке, как и в других славянских языках,

морфологическая категория времени, организуется с помощью глагольных форм, прежде всего, личными. Различные синтаксические единицы, которые представлены синтаксическими средствами, также создают синтаксическую категорию времени.

Прежде всего, необходимо уточнить, *время* – это универсальная категория, или каждый уровень имеет свою категорию времени. Кроме того, важно установить общую функционально-семантическую основу этих проявлений или категорий. Попытаемся в этом разобраться.

В структуре синтаксических категорий русского языка категория времени выделена только на формально-синтаксическом уровне, хотя В. Гак признает, что буквальный перенос морфологической парадигмы в предложениях как

чистое дублирование его структурной схемы представляется некорректным [10, с. 125]. Используя термин *темпоральность* для обозначения обобщенных лексических и синтаксических временных значений, В. Гак вводит *темпоральность* как составляющую структуру времени (морфологического времени) без определения средств ее выражения (в отличие, например, от значений времени или таксиса). Итак, В. Гак признает, что *темпоральность* – это функционально-семантическая категория, прототипом (или «ядром») которого является морфологическая категория времени и «в структуре которой пересекаются временные модели таксиса, синтаксические категории времени, лексико-морфологические категории наречия и лексико-синтаксические категории предложно-падежных форм отглагольных субстантивов, которые могут проявляться и совокупностью таких формально значимых элементов, лежащих вне глагольной парадигмы, но образующих ФСП темпоральности» [10, с. 126].

М. Всеволодова трактует *темпоральность* как универсальную категорию: «в ФСН темпоральности (или времени) мы, в отличие от А. Бондарка, не разделяем категории темпоральности и времени и объединяем в одном ФСН все средства выражения идеи времени, иначе это противоречило бы самой дефиниции понятия ФСН». Если же в основе категории лежит семантический инвариант, то на грамматическом уровне она формирует систему и структуру значений и средств их выражения, которые образуют иерархическое дерево от общего к частному. Зато место грамемы темпоральности, идентифицированной по семантико-синтаксическим отношениям (наряду с причинной, условными, целевыми, а также отношениями соответствия / несоответствия) [9, с. 33], в такой системе не установлено, не говоря о том, что до сих грамемы отнесены как грамматические, так и синтаксические единицы. Очевидно, такой подход к определению и систематизации категорий основывается не на понятии собственно категории, поскольку ориентирован на разнотипные понятия, не подпадают под единую структурно-системную типологию.

Зокрема, в дослідженні, об'єктом якого є дієслівні часові форми та безприйменникові й прийменниково-іменникові форми як виразники морфолого-синтаксичних та семантико-синтаксичних грамем, в одну систему включено темпоральні конкретизатори (наприклад, *31 січня 1943р., вранці, ввечері*), фінітивні дієслівні предикати (наприклад, *дивлюсь*), іменні предикати (*{щасливий}*), а також «обставинне значення часу» (наприклад, у темпоральних синтаксемах-складних реченнях із сполучником *коли*), одночасність (*{коли, у той час}*), часова попередність (*{доки, поки}*), різночасність (прийменниково-іменникові форми), відносний час (наприклад, *з ночі до зорі*) і под.

Учитывая то, что в качестве объекта были взяты *глагольные временные формы*, а также *ж беспредложные и предложно-*

существительные формы как выразители морфолого-синтаксических и семантико-синтаксических граммем, в одну систему могут быть включены *темпоральные конкретизаторы* (*утром, вечером*), *финитивные глагольные предикаты* (например, *смотрю*), *именные предикаты* (*счастливый*), а также «*обстоятельственное значение времени*» (например, в темпоральных синтаксемах-сложных предложениях с союзом *когда*), *одновременность* (*когда, в то время*), *временная предыдущность* (*пока*), *разновременность* (предложно-существительные формы), *относительное время* (*с ночи до зари*) и т.д. [11, с. 42–53]. Очевидно, что, интерпретируя граммемную структуру категории темпоральности таким образом, трудно не только категоризировать понятие темпоральности, но и установить системно-структурную иерархию темпоральных форм и значений.

Еще в начале статьи было указано, что онтологическое время предстает как *прошлое, настоящее и будущее*. Это отражено в грамматике формами морфологического времени, но эти значения актуальны в космогоническом понимании (для макрокосма и микрокосма, мира и человека) и ориентированы на хронологию действий (*вчера, сегодня, завтра*). Это внешнее абстрагированное время, которое воспринимаем как объективное и условно соотнесенное с моментом речи [13, с. 310]. Несмотря на то, что это время по

форме выражения является морфологическим, спектр его семантических модификаций относится к синтаксическому уровню: *Земля крутится вокруг Солнца. Я работаю на стройке. Я обращаюсь к тебе с требованием.*

Если учесть то, что понятие времени как мировоззренческая идея связано с восприятием последовательности смены впечатлений и ощущений и выраженное как определенная единичная идея определенного

количества и качества, то ближе к пониманию указанной сменности находится динамический признак, который передан как действие. Количество времени как имманентный признак действия выражен как последовательность ее начала, развертывания и конца. Эта последовательность формирует определяющую качество действия – продолжение.

Темпоральную семантику интервала передают так называемые рода действия, в основе которых – *внутреннее темпоральное значение глагола*. Ученые традиционно относят их к категории вида (или шире – аспектиальность) [13, с. 303–316]. Однако отсутствие четкого разграничения базовой семантики ключевых глагольных категорий темпоральности и вида привела к тому, что установление содержания и структуры категории темпоральности остается нерешенным, а трактовка категории вида содержит глубокие противоречия. Вид сформировался исторически на основе и в связи, и через корреляцию с определенными / неопределенными формами глаголов и родами действия, а видовое значение является приобретенным и наложенным на древнее противопоставление по продолжительности / однократности, т.е. на глагольные формы с темпоральным значением. Как же рода действия входят в структуру категории вида?

Механизм возникновения противоречия заметил В. Климонов, который говорил о том, что в отечественной и зарубежной литературе в славянском глагольном виде долгое время не различали (а иногда и до сих пор не различают) видообразование как чисто грамматическое явление деривационных, словообразовательных возможностей глагола. При таких условиях акциональные (или аспектиальные) типы глаголов, сформированные

на темпоральной семантике, учитывая связь с видом (что вполне является объективным, поскольку вид связан с родами действия генеалогически и функционально – через использование полифункциональных морфем, прежде всего префиксов), начинают трактовать через вид, а видам начинают приписывать темпоральную семантику [12, с. 70]. Эта концепция утвердилась и распространилась в русистике в связи с приписыванием видовых несвойственных признаков, в частности динамического признака.

Утверждение указанного противоречия явилось следствием неоднозначного понимания и концептуального развития категорий, связанных с видом. Ключ к правильному пониманию попытался дать А. Потебня, который отмечал: «Большинство тех, кто писал о видах, даже зная, что единственно правильным направлением языкознания является историческое, и в частности, что был такой период времени, когда в глаголе не было видов, смотрели на виды как на явления, одновременно по происхождению, и делили их, не спрашивая, что было раньше, что позже, не беспокоясь даже о единстве разделения» [16, с. 7].

Однако А. Потебня склонялся к тому, что объективно термин *вид* должен касаться значений продолжительности если учесть, что «слово *вид* равносильно со словом *степень*, то под *видом* мы уже вынуждены будем понимать не совершенный и несовершенный, а *продолжительность*, так как только в продолжительности прослеживается степень» [14, с. 34]. Труд А. Потебни дал возможность подготовить почву для системного и последовательного развития учения о глаголе.

Неоднозначность взглядов на вид объясняется терминологической неустроенностью: аспектуальностью, акциональностью, видом, родами действия, способами глагольного действия. Термины *аспектуальность* и *акциональность* понимают по-разному, в том числе и воспринимают их

как синонимы [19, с. 109]. О том, что ни аспектуальность, ни акциональность не покрываются значением славянского вида, свидетельствует типология акциональных единиц [19, с. 112], а также то, что в отдельных взглядах

трактуются «аспектуальный класс как лексическая способность [19, с. 111], т.е. *аспектуальность* принципиально не выводят из грамматики. Это обусловлено тем, что многие акциональные (или аспектуальные) ситуации реализуются и дифференцируются в основном с помощью лексических средств, особенно в языках с грамматическим аналитизмом.

Ю. Маслов на основе семантики терминативности строит категоризацию аспектуальности, опираясь на «критерий Маслова», который имеет исключительно формально-грамматический характер, т.е. проявляет способность к «транспозиции перфективной конструкции прошедшего времени в имперфективную конструкцию настоящего исторического при условии неизменности лексической семантики» [13, с. 304]. Ученый приходит к выводу, что терминативность – это ядро категории аспектуальности, т.е. ее семантический инвариант, который в разных концепциях имеет разное терминологическое обозначение – *accomplishments* (С. Вендлер), *осуществление исполнения* (А. Падучева), *gradually terminative verbs* (В. Брой), *целенаправленная результативная деятельность* (В. Рудден). Считаем, что результативность совершенного вида и терминативность аспектуальности являются разными понятиями, отражающие различные грамматические явления, которые ни формально-грамматически, ни семантико-функционально не совпадают.

Акциональные типы действия, способы глагольного действия или рода действия в основе выражения значения имеют семантику темпоральности. Это внутренний, имманентный признак действия. Общая семантика темпоральности основывается на синтезе таких сем:

продолжение + количество = действительность. Семантика действительности приобретает динамические признаки через выражение продолжения как ее количественного признака. Количественно обозначенная продолжительность действия выражает линейность темпоральности, что соотносена с темпоральной осью онтологического времени, однако отражает не все время, а его количественно определенный фрагмент – промежуток: ABC.

На схеме действие разворачивается в темпоральном пространстве (на промежутке) AC в точке B. Промежуток продолжения действия является моментом ее *начала* (A), *продолжения* (B) и *завершения* (C). Момент начала, продолжения и завершения действия выражается с помощью *интервала* – глагольной категории, которая указывает на внутреннюю темпоральность действия с точки зрения ее начала, развертывания, завершения, кратности и интенсивности на основе количественно-качественных признаков ее продолжения и выражает динамический признак глагола [15, с. 302].

Как видим, линейность темпорального значения заложена во *внутренней семантике глагола* – действительности, которая выражена как продолжение и обнаружена в категории интервала. Это базовое, инвариантное значение темпоральности, которое лежит в основе всех ее проявлений. Морфологическое время разворачивает эту семантику как внешнюю темпоральность в линейности бесконечной прямой, дублирует так называемую ось онтологического времени.

Таким образом, кажущаяся ось времени мировоззренчески является множеством отдельных интервальных сегментов (отрезков – для совершенных действий, лучей – для действий, которые продолжаются), формирующие так называемую *темпоральную ось*, которая, однако, лишь условно может ассоциироваться с течением онтологического времени.

Именно на эту ось наложены отдельные целостное действие и грамматически определен момент ее осуществления с точки зрения прошлого, настоящего или будущего. Морфологическое время получило сему продолжения (действенности), и соответственно линейности, от интервала; носителем этой линейности является глагольная граммема как форма выражения грамматического времени.

Итак, темпоральное содержание морфологического времени имеет два аспекта: *общетемпоральное* и *собственно временное*. Если *общетемпоральное* содержание отражает глагольную природу морфологического времени, предстает как признак действия, основываясь на семантике продолжения, то *собственно временной аспект* заключается в выражении момента воздействия на темпоральную ось с позиции говорящего. Если значение интервала

проявляло внутренние темпоральные признаки (в пределах начала, продолжения и завершения действия), то время обнаруживает внешние, безотносительные к характеру совершения действия. Таким образом, *время* – это глагольная категория, выражающая внешнюю темпоральность в момент совершения действия и служит для ее отображения на темпоральной оси с позиции говорящего (относительно момента речи).

Обратимся также к формальной (и формализованной) традиционной грамматике, которая определяет *глагол* как носителя динамического признака, однако не дает ответа на то, какая категория выражает сему динамичности в грамматической семантике глагола.

Другой аспект трактовки времени касается определения его грамматического содержания. Самым простым и объективным с методологической точки зрения является традиционная трактовка времени: он выражает отношение действия к моменту речи. Однако в свете

последних исследований категории темпоральности, в частности касательно *категории таксиса*, следует уточнить, что время не выражает и не может выражать отношение, поскольку является абсолютным грамматическим значением. Уточненную формулировку – «в основе глагольной грамматической категории времени лежит понятие соотнесенности действия (состояния) с моментом речи» – можно принять как такую, что указывает на механизм выражения значения, но не на выражение отношения [21, с. 90].

Вольное обращение с дефинициями природы времени приводит к размыванию его категорийного статуса. А. Барентсен отмечает, что «грамматическая категория времени выражает временную последовательность событий, которые происходят в объективной действительности или мыслятся такими, которые могут произойти». Объективно время не выражает «предшествующего момента речи, следования за моментом речи, одновременности с моментом речи», поскольку является не соотносительным, а абсолютным грамматическим значением. Момент речи является абсолютным и

абстрактным потому, что выступает как логико-грамматическая константа: любой речевой акт и, соответственно, любая языковая структура предусматривают говорящего, вне которого они не существуют [1, с. 25]. Итак, говорящий, имплицитно присутствует в каждом акте речи и в каждой языковой структуре, и является позицией отсчета морфологического времени.

Соотносительное темпоральное значение выражает таксис, для которого позиция отсчета, в отличие от абсолютного момента речи для времени, является переменной: *темпоральное значение таксиса* устанавливаем через отношение к другому действию. Как и время, таксис имеет общетемпоральный аспект, поскольку он опирается на признаки

продолжения и линейности; собственно, таксисный аспект выражает темпоральный порядок через отношение между действиями, но безотносительно к характеру продолжения и времени совершения действия. Категория таксиса была выделена позже из всех темпоральных категорий [21, с. 90].

В трактовке таксиса из-за проблем с определением параметров и критериев установления его семантики описательный анализ таксисных форм не привел к удовлетворительной теоретической интерпретации. Предполагаем, что если таксис выделен благодаря наблюдениям над глагольными категориями, в частности через детерминации значений морфологического времени, который имеет темпоральное содержание и специфическую темпоральную (таксисную) морфологическую форму – деепричастия, то таксис так же находится в сфере темпоральности. Однако Н. Семенова считает таксис «наиболее противоречивой категорией современной аспектологии» [17, с. 15].

Другая двусмысленность в трактовке таксиса заключается в отождествлении его со временем; при этом не всегда прозрачно использован термин «время»: то как морфологическая категория, то как денотат грамматической темпоральности с использованием уже устоявшихся терминов касательно таксисных значений – предшественность, одновременность, преемственность, которые, однако, не обеспечивают категоризации, описания и типологии значений этой темпоральной категории. Методологическая

неточность в использовании понятий одновременности / разновременности заключается в том, что это не собственно таксисное значение, а значение морфологического времени в таксисной интерпретации. При разновременности формально принимают во внимание морфологически одновременные события (например,

выраженные глаголами в форме настоящего времени), но такие, что соотнесены как предшественность – преемственность, не позволяет установить разновременность.

Рассматривая таксис с точки зрения семантики темпоральности, можем установить общие и отличительные черты таксиса с интервалом и временем. Таксис основывается на глагольной граммеме, однако проявляется при ее функционировании на синтаксическом уровне, следовательно, это *глагольно-предикатная категория*. Однако система таксисных единиц, т.е. глагольных предикатов, не совпадает с системой глагольного морфологического класса; таксисные единицы для возможности темпорального взаимодействия должны передавать событие, следовательно, сема продолжения в таксисных глаголах должна быть актуализирована и принадлежать к определенному семантико-грамматическому типу глагольного значения. Семантический инвариант действительности (продолжения) является общекатегориальным темпоральным признакам.

В таксисе, как и в интервале и времени, – общим денотатом является онтологическое время. Однако таксис максимально ориентирован на денотативную ситуацию, поскольку отражает не только темпоральный характер события, как это делают интервал и время, а темпоральную связь между событиями, выражая таким образом не внешнюю статическую граммемную семантику, а семантику взаимодействия, связи, т.е. динамику таксисной ситуации. Итак, таксис выражен с помощью специальной, присущей ему грамматической форме.

Таксис подпадает под критерий линейности и позиции отсчета, поэтому может отражать линейные ситуации. Время и таксис выражают относительное темпоральное значение из-за ориентации на позицию отсчета: время –

относительно момента речи, таксис – касательно другого действия. Для разграничения характера относительного значения можно использовать термины «относительный» / «сопоставимый», предложенные для характеристики морфологического времени, но примерно с таким же содержанием. Если *время* отражает внешнюю относительную морфологическую темпоральную семантику, то *таксис* – внешнюю относительную синтаксическую темпоральную семантику.

Система таксисных значений опирается на несколько дифференциальных признаков категории таксиса и определяется структурным уровнем грамматической системы, к которому эта категория относится. Так, интервал дифференцируем на морфемном уровне (семантика корневой морфемы и акциональная семантика синтетических морфем) как грамматическое значение действия, выраженного глаголом (морфологический уровень), который имеет реляции с синтаксическим уровнем в семантических модификациях (например, при выражении значения дистрибутивности). Время принадлежит морфологическому уровню как дифференциальный член речевой признак глагола, который связан с образом действия, выраженного синтетическими и аналитическими морфемами безотносительно к семантике корневой морфемы. Таксис дифференцируем на синтаксическом уровне, а выражение его значение является свойством полипредикативного комплекса. Обобщая сказанное выше, попытаемся сформулировать определение категории таксиса: *таксис* – это глагольно-предикатная грамматическая категория, указывающая на темпоральное значение порядка действий на основе относительной позиции отсчета (отношение действия к действию) и которая выражена глаголом или глагольным полипредикативным комплексом для отображения взаимосвязанных с точки зрения говорящего событий онтологического времени.

Выводы.

Таким образом, проведенное исследование дало нам возможность сделать серию выводов, в частности: *категория темпоральности* в структуре грамматических категорий является надкатегорией, в систему которой входят категории *интервала*, *времени*, *таксиса*. Семантическим основанием, что объединяет все темпоральные значения, является *действенность* (или значение действия), выраженная как *продолжение* – количественно-качественный признак действия. С формальной точки зрения темпоральность выражает ключевое значение глагольных граммем, предоставляя глаголу динамические признаки. Продолжение как имманентной признак (как внутреннее время) глагольной грамемы выражает категория интервала. Это дифференциальная глагольная категория, объединяющая разноформные ее проявления в частеречевом классе. Внешний (относительный) темпоральный признак выражен в категориях времени и таксиса. Все составляющие надкатегории темпоральности объединены рядом дифференциальных структурно-системных и семантических признаков.

Рассмотрены признаки делают категорию темпоральности универсальной, общеграмматической, межуровневой, а ее денотат – онтологическое время – выступает базовой, основополагающей онтологической частью в построении и функционировании грамматической и общезыковой систем.

Итак, *темпоральность* – это общеграмматическая межуровневая категория, которая основывается на семантике действенности, выраженной глаголом, и отражает внутренний, внешний и сопоставительный аспекты продолжения действия, грамматически интерпретируя онтологическое время

Литература

1. Барентсен А.А. К описанию семантики категории «вид» и «время» (на материале современного русского литературного языка) / А.А. Барентсен // Tijdschrift voor slavische Taal-en Letterkunde. – The Hague, 1973. – № 2. – С. 5–32.
2. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола / А.В. Бондарко. – М. : Просвещение, 1971. – 239 с.
3. Бондарко А.В. Категория временного порядка и функции глагольных форм вида и времени в высказывании (на материале русского языка) / А.В. Бондарко // Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб., 1996. – С. 6–21.
4. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А.В. Бондарко. – СПб. : Из-во С.-Петербург. ун-та, 2001. – 260 с.
5. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Д., 1983. – 208 с.
6. Бондарко А.В. Система глагольных времен в современном русском языке / А.В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1962. – № 3. – С. 27–37.
7. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. – М., 2001. – С. 234–242.
8. Бондарко А.В. Русский глагол : пособие для студентов и учителей / А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин; под ред. Ю.С. Маслова – Ленинград, 1967. – 190 с.
9. Всеволодова М.В. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий

- пространственных, временных и причинных отношений) / М.В. Всеволодова // Вестн. Моск. ун-та: Сер. «Филология». – 2005. – № 1. – С. 9–34
10. Гак В.Г. Пространство времени / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Язык и время. – М., 1997. – С. 123–130.
11. Жеребков В.А. О грамматической категории времени / В.В.Жеребков // Филологические науки. – 1977. – № 2. – С. 42–53.
12. Климонов В.Д. Взаимодействие семантики вида и семантики времени в системе видо-временных форм русского глагола / В.Д. Климонов // Основные проблемы русской аспектологии. – СПб. : Наука, 2002. – С. 68–79.
13. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке / Ю.С. Маслов // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – 1948. – Т. 7. – Вып. 4. – С. 303–316.
14. Маслов Ю.С. Время / Ю.С. Маслов // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
15. Падучева Е.В. Семантические исследования. (Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива) / Е.В. Падучева. – М. : Языки русской культуры. – 1996. – 464 с.
16. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – М. : Просвещение, 1977. – Т. 4. – 406 с.
17. Семенова Н.В. Семантика таксиса: концептуализация и категоризация / Н.В. Семенова. – Великий Новгород, 2002.– 265 с.
18. Семиколонова Е.И. Проблема содержательной сущности категории вида / Е.И. Семиколонова // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 53. – С. 112–115.
19. Татевосов С.Г. Акциональность: типология и теория / С.Г. Татевосов // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 108–141.

20. Храковский В.С. Семантические типы множественных ситуаций и их естественная классификация / В.С. Храковский // Типология итеративных конструкций. – Л., 1989. – С. 5–53.
21. Храковский В.С. Таксис: семантика, синтаксис, типология / В.С. Храковский // Типология таксисных конструкций. – СПб., 2009. – С. 11–113.